Отфрид Пройслер
КРАБАТ

Отфрид Пройслер

Крабат: Легенды старой мельницы

OCR dauphin@ukr.net
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=119809
Пройслер О. Крабат: Легенды старой мельницы. / Пер. с нем. Худ. Г.Москвитина.: Грайлык; Киев; 1993

Аннотация

Фантастическая повесть известного немецкого писателя про страшного колдуна и его учеников, про победу любви и добра над злыми чарами.

Содержание

ГОД ПЕРВЫЙ 4
МЕЛЬНИЦА В КОЗЕЛЬБРУХЕ 4
ОДИННАДЦАТЬ И ОДИН 7
РАБОТА ЗДЕСЬ, КОНЕЧНО, НЕ МЕД... 10
ПУТИ-ДОРОГИ ВО СНЕ 12
НЕЗНАКОМЕЦ С ПЕТУШИНЫМ ПЕРОМ 14
КШ-Ш, НА ШЕСТ! 17
ЗНАК ТАЙНОГО БРАТСТВА 19
НЕ ЗАБЫВАЙ. ЧТО Я – МАСТЕР! 22
КАК ПОДМАСТЕРЬЯ С МЕЛЬНИЦЫ 25
Конец ознакомительного фрагмента. 27

Отфрид ПРОЙСЛЕР
КРАБАТ:
Легенды старой мельницы

ГОД ПЕРВЫЙ

МЕЛЬНИЦА В КОЗЕЛЬБРУХЕ

Наступил Новый год. Крабат, сербский мальчик лет четырнадцати, сговорился еще с двумя такими же нищими мальчишками пойти колядовать по деревням – нарядиться волхвами и распевать во дворах рождественские песни. Не устрашил их и указ Его милости курфюрста Саксонского, карающий бродяг и попрошаек. Да ведь судьи и другие чиновники тоже не принимали этот указ чересчур уж всерьез.

И вот три волхва, водрузив на голову венцы из соломы, бредут от деревни к деревне. Один из них, маленький веселый Лобош, изображает мавра. С утра старательно вымажет сажей лицо и руки и весь день с гордым видом несет впереди прибитую к палке вифлеемскую звезду. Подходя к подворью, они на ходу перестраиваются, Лобош теперь в середине. И возносятся к небу чистые звонкие голоса. Правда, Крабат только губами шевелит – у него ломается голос. Зато друзья его стараются вовсю.

Многие крестьяне закололи под Новый год свинью, а потому и угощение волхвам подносят царское – колбаса, сало. А то и яблоки перепадают, чернослив, орехи. Пореже – медовые лепешки, анисовые пряники, печенье с корицей.

– А здорово Новый год начался! – говорит Лобош на третий день к вечеру. – Вот бы и дальше так!

– Да, не плохо бы! – вздыхают оба волхва.

Ночь провели на сеновале возле кузни. Тут-то Крабату и приснился впервые тот таинственный сон.

...Длинная жердь – вроде насеста. На ней одиннадцать воронов. Пристально смотрят они на Крабата. А на самом конце жерди – свободное место. И вдруг голос. Он доле-

тает издалека, будто гонимый ветром: «Крабат!.. Крабат!.. Крабат!..» У Крабата нет сил отозваться. Голос приказывает: «Иди в Шварцкольм на мельницу! Не пожалеешь!» Вороны взмывают ввысь. Каркают: «Повинуйся Мастеру... Повинуйся!..»

Крабат просыпается: «И что только не приснится!» Он поворачивается на другой бок.

Днем они бредут дальше. Вспомнив про воронов, Крабат улыбается.

Но и на следующую ночь сон повторился. Опять звал его голос, опять каркали вороны: «Повинуйся!»

Тут уж не до смеха.

Утром Крабат спросил хозяина дома, знает ли тот деревню Шварцкольм. Крестьянин задумался:

– Шварцкольм?.. Шварцкольм... Кажется, слышал. Ах, да! На дороге к Ляйпе. У самого Хойерсвердского леса стоит.

Волхвы переночевали в Грос-Парвитце. И опять здесь приснился Крабату тот же сон – вороны и чудной, плывущий по воздуху голос – все, как в первый раз.

Тут уж он решился.

На рассвете, оставив спящих спутников, выскользнул из сарая. У ворот попросил какую-то девушку, спешившую с ведрами к колодцу, передать им привет и сказать, что он уходит.

И вот Крабат шагает один от деревни к деревне. Ветер швыряет ему в лицо пригоршни снежной крупы. На каждом шагу приходится останавливаться, протирать глаза. Как назло, в Хойерсвердском лесу сбился с пути. Часа два ушло, чтобы отыскать дорогу. Лишь под вечер дошел до деревни.

Деревня как деревня: дома и сараи по обе стороны улицы, сугробы, дым над крышами. Из хлевов доносится глухое блеяние и мычание. На льду небольшого пруда смех и веселье – дети носятся на коньках.

Крабат озирается, ищет вдали мельницу. Ее не видно. Старик с вязанкой хвороста на вопрос Крабата отвечает:

– Тут, в деревне, мельницы нет.

– А по соседству?

– А-а, может, ты про ту... – Старик тычет пальцем через плечо. – Там, подальше, в Козельбрухе, у Черной воды, есть одна, да только вот... – Старик умолкает, испугавшись, что сказал лишнее.

Крабат благодарит и идет туда, куда показал старик. Вдруг кто-то трогает его за рукав. Он оборачивается, все тот же старик с хворостом.

– Ты что? – удивляется Крабат.

Старик подходит еще ближе, испуганно шепчет:

– Слышь, парень, обойди-ка ты лучше стороной Козельбрух и мельницу у Черной воды. Там нечисто...

Одно мгновение Крабат колеблется. Стоит в нерешительности и смотрит на старика. Потом идет дальше, выходит из деревни в поле.

Темнеет. Только бы не сбиться с пути, не потерять тропинку. Его познабливает. Оглянувшись, он видит, как в деревне один за другим зажигаются огни.

Может, назад повернуть?

– Да ну! Что я, маленький, что ли? – бормочет он и поднимает воротник.

Он бредет по лесу, как в тумане. Нежданно-негаданно выходит на поляну. И тут, разорвав облака, выглядывает луна. Все освещается холодным серебристым светом.

Крабат видит мельницу.

Притаившись в снегу, стоит она мрачная и угрюмая, словно огромный злой зверь в ожидании добычи.

«Никто ведь не заставляет меня идти!..»

Собрав все свое мужество и обозвав себя трусом, Крабат подходит ближе. Решительно направляется к двери, толкает ее. Дверь заперта. Стучит раз, другой... Ни звука – ни лая собак, ни скрипа ступенек, ни позвякивания ключей.

Он стучит снова. Стучит так, что кулакам больно. Но по-прежнему тихо на мельнице. Он пробует нажать ручку. И тут... дверь поддается.

Он входит в сени. Мрак и тишина. Но где-то в глубине чуть брезжит свет. Слабое мерцание...

Где свет, там и люди.

Он идет на свет, вытянув вперед руки, на ощупь. Свет пробивается сквозь узкую щель приоткрытой двери. Подкравшись на цыпочках, он пытается разглядеть в щелку, что там, за дверью.

Полутемная каморка, освещенная лишь пламенем свечи. Свеча красная. Она примостилась на черепе, лежащем на столе посреди комнаты. За столом какой-то человек в черном. Огромный, широкоплечий, лицо бледное как мел. На левом глазу черная повязка. Перед ним на столе толстая книга в кожаном переплете, на цепи. Человек читает.

Вдруг он поднимает голову, пристально смотрит в сторону двери, словно заметил Крабата. Его взгляд пронизывает Крабата, глаза у того начинают слезиться. Все словно подернулось пеленой.

Крабат протирает глаза. И вдруг он чувствует на своем плече ледяную руку. Холод проникает сквозь куртку и рубашку. Хриплый голос произносит по-сорбски:

– А вот и ты! Наконец-то!

Крабат вздрагивает – голос ему знаком. Обернувшись, он видит человека с черной повязкой на глазу.

Как он здесь очутился? Не сквозь дверь же прошел?

В руках у человека свеча. Он поднимает ее, молча осматривает Крабата, медленно цедит:

– Я здесь хозяин. Мастер. Мне нужен ученик. Могу взять тебя. Хочешь?

– Хочу! – отвечает Крабат и не узнает своего голоса, он кажется ему чужим, незнакомым.

– Чему тебя учить? Молоть зерно или еще чему другому? – допытывается Мастер.

– Другому тоже.

– Ну что ж, по рукам! – Мельник протягивает ледяную руку. Левую.

Как только они ударили по рукам, раздался глухой грохот. Пол покачнулся, стены задрожали, балки и косяки содрогнулись. Шум шел будто из-под земли.

Крабат вскрикнул, метнулся. Прочь, прочь отсюда!..

Но Мастер преградил ему путь.

– Мельница! – крикнул он, сложив рупором руки. – Мельница заработала!

ОДИННАДЦАТЬ И ОДИН

Мастер поманил Крабата следовать за ним. Осветив свечой крутую лестницу, молча повел его на чердак, где жили подмастерья. Огонек свечи высветил низкие нары, по шесть с каждой стороны прохода, мешки с соломой на них, рядом тумбочки и табуретки. Скомканные одеяла, перевернутая скамейка, брошенные кое-как рубашки и портянки. Видно, люди прямо из постели сломя голову бросились на работу.

Лишь одна постель аккуратно застелена. Мастер ткнул пальцем в узелок, лежащий в изголовье.

– Твоя одежда!

Потом повернулся и ушел, унося свечу.

Крабат остался один в темноте. Начал медленно раздеваться. Снимая шапку, обнаружил на ней соломенный венец. Ах да, еще вчера ведь они, три волхва, бродили по дворам... Как давно это было!

Чердак весь дрожал от шума и грохота работающей мельницы. Какое счастье, что он смертельно устал! Едва коснувшись подушки, он тут же уснул глубоким тяжелым сном. Как долго он спал!.. И вдруг проснулся, потревоженный светом фонаря. Приподнял голову и... оцепенел.

Над ним склонились одиннадцать белых фигур... белые лица, белые руки...

– Кто вы? – в испуге прошептал Крабат.

– Скоро и ты станешь таким же, – ответил один.

– Мы тебя не тронем, – успокоил другой, – мы – подмастерья.

– Вас одиннадцать?

– Ты – двенадцатый. Как тебя звать?

– Крабат. А тебя?

– Я – Тонда, старший подмастерье. Вот Михал, а это Мертен, Юро... – Тонда назвал всех по имени. – Ну, на сегодня хватит. Спи, Крабат, тебе надо набраться сил. Тут ведь знаешь как... у нас на мельнице...

Подмастерья разбрелись по постелям. Кто-то задул фонарь.

– Спокойной ночи!

И все тут же дружно захрапели.

На завтрак собрались в людской. Сидели за длинным деревянным столом. Все двенадцать. На четверых одна миска с жирной овсяной кашей.

Голодный Крабат ел за троих. Если обед и ужин такие же сытные, как завтрак, что ж, на мельнице жить можно!

Тонда, старший подмастерье, оказался статным парнем с седой шевелюрой. А по лицу ему не дашь и тридцати. Глаза серьезные, грустные, а говорит спокойно и дружелюбно. Крабат сразу почувствовал к нему доверие.

– Ну как, не очень мы тебя напугали нынче ночью? – спросил Тонда Крабата.

– Да нет... не очень!..

Ночные призраки при свете дня выглядели ничуть не страшно. Люди как люди! Говорили они по-сорбски и были всего на несколько лет постарше Крабата. Когда кто-нибудь из них встречался с ним взглядом, ему казалось, что тот глядит на него с сочувствием. Странно. Но об этом он не слишком задумывался.

Что его больше удивляло, так это одежда, которую он нашел на нарах. Вещи были поношенные, но пришлись ему впору, будто на него сшиты. Он все же решился спросить, откуда они взялись, чьи были раньше. Наступило тягостное молчание. Подмастерья удрученно глядели на него, опустив ложки.

– Я сказал глупость?

– Нет, нет, – успокоил его Тонда. – Это одежда... Твоего предшественника.

– А почему его нет? Он уже выучился?

– Да... Он выучился.

В это мгновение дверь распахнулась. В комнату ворвался разъяренный Мастер. Парни потупились и ссутулились.

– Прекратить болтовню! – взревел он, глядя на Крабата в упор своим единственным глазом.

– Кто много спрашивает, тому много врут. Понял? А ну-ка, повтори!

– Кто много спрашивает, тому много врут, – повторил Крабат, запинаясь.

– Заруби это себе на носу!

Дверь за Мастером захлопнулась.

Подмастерья вновь заработали ложками. Но Крабату вдруг расхотелось есть. В полной растерянности он переводил взгляд с одного на другого. Никто не обращал на него внимания. А вот и нет. Тонда едва заметно ему кивнул. Радость охватила Крабата – как хорошо, что на мельнице у него есть друг!

После завтрака отправились на работу. Крабат поднялся вместе со всеми. В сенях стоял Мастер.

– Следуй за мной! – поманил он Крабата пальцем.

Вышли во двор. Ярко светило солнце, на деревьях сверкал иней. Было безветренно и морозно.

Обошли мельницу. Сзади оказалась еще одна дверь. Мастер открыл ее. Вошли в каморку с низким потолком и двумя крохотными окошками, серыми от мучной пыли. Толстым слоем она лежала повсюду – на полу, на стенах, на дубовой балке, свисающей с потолка.

– Вымети! – приказал Мастер, ткнув пальцем в угол, где стояла метла. И ушел.

Что ж, надо браться за работу! Но от первых же взмахов метлы поднялось густое облако мучной пыли и окутало Крабата.

Нет, так не пойдет! Пока я мету здесь, пыль оседает там. Надо открыть окно!..

Но оказалось, что окна заколочены снаружи.

Попробовать открыть дверь?

Но и дверь заперта. Крабат принялся трясти ее, колотить кулаками. Все напрасно... Он в ловушке!..

Лоб Крабата покрылся испариной. Мука оседала на волосах, склеивала ресницы. От нее першило в горле, щекотало в носу. Все было как в бесконечном кошмарном сне: облака мучной пыли, густой туман, метель...

Дышать становилось все труднее, кружилась голова, он стукнулся лбом о балку. Может, бросить все это? Поставить в угол метлу? А что скажет Мастер? Ведь с ним шутки плохи. Да и жалко терять кров и еду. Надо попробовать еще раз!

От двери к окну, от окна к двери, опять от двери к окну... И так час за часом! Казалось, прошла целая вечность.

И вдруг кто-то рванул дверь. Тонда!

– Выходи! Обед!

Дважды повторять ему не пришлось. Едва держась на ногах, задыхаясь и кашляя, Крабат пошел к двери. Тонда окинул взглядом каморку, понимающе посмотрел на Крабата.

– Ничего, брат, поначалу всем так приходится!

Потом он пробормотал какие-то непонятные слова, начертил в воздухе какие-то знаки. Мгновенно вся пыль поднялась, будто из щелей и пазов подул ветер. Белое облако взметнулось над Крабатом, вылетело в дверь, унеслось в лес.

Каморка засверкала чистотой. Ни пылинки!

Крабат широко раскрыл глаза:

– Как же это ты смог?

Но вместо ответа Тонда сказал: – Пошли, Крабат, суп остынет!

РАБОТА ЗДЕСЬ, КОНЕЧНО, НЕ МЕД...

Трудно пришлось Крабату. Мастер не давал передышки, все подбавлял да подбавлял работы: «Куда ты подевался, Крабат? А ну-ка, оттащи мешки в амбар!», «Иди-ка сюда! Перевороши лопатой зерно, не то прорастет!», «В муке, что ты вчера просеял, полно мякины! После ужина просеешь снова! Пока не кончишь, спать не ложись!»

Мельница в Козельбрухе работала и в будни и в праздники, с раннего утра до позднего вечера. Лишь раз в неделю, по пятницам, они кончали раньше, а по субботам начинали часа на два позже. Крабат таскал мешки, просеивал муку, колол дрова, разгребал снег, носил на кухню воду, чистил скребницей лошадей, убирал навоз – дел хватало. Вечером, ложась на нары, чувствовал себя разбитым. Ломило поясницу, ныли руки и ноги, горели волдыри на плечах.

Крабат удивлялся своим товарищам. Тяжелая работа, казалось, совсем их не затрудняла – никто не жаловался да никто особенно и не уставал.

Как-то утром он расчищал дорогу к колодцу. Ночью шел сильный снег, намело высокие сугробы, засыпало все тропинки. Крабат устал. Каждый взмах лопаты отдавался в пояснице. Стиснув зубы, пытался он превозмочь боль. Вдруг появился Тонда. Убедившись, что никого вокруг нет, положил ему руку на плечо.

– Держись, Крабат!

Крабату показалось, что в него влились новые силы. Боль отступила. С жаром схватился он за лопату, начал расшвыривать сугроб. Но Тонда остановил его:

– Только смотри, чтоб Мастер не заметил! И Лышко тоже.

Лышко, длинный как жердь парень с острым носом и колким взглядом, не понравился Крабату с первого же дня. Сразу видно – ябеда и наушник.

– Ладно! – И Крабат стал работать так, будто каждый взмах лопаты дается ему с трудом. Вскоре, как бы случайно, явился Лышко.

– Ну как, Крабат? Работа по вкусу?

– По вкусу! Сожри лягушку, тогда узнаешь!

С этого дня Тонда часто оказывался возле Крабата. Потихоньку клал ему руку на плечо, и в того словно вливались новые силы. Работа казалась вдвое легче.

Мастер и Лышко ни о чем не догадывались, как и другие обитатели мельницы. Братья Михал и Мертен, добродушные и сильные, как медведи, рябой Андруш, весельчак и шутник, Ханцо, прозванный Буйволом за бычий затылок и короткую стрижку, Петар, все свободное время вырезавший деревянные ложки, проворный, бедовый Сташко, ловкий, как обезьянка, которую в прошлом году Крабат видел на ярмарке в Кёнигсварте, хмурый Кито и молчаливый Кубо тоже ничего не замечали. И уж подавно – придурковатый Юро.

Юро, коренастый коротышка с круглым веснушчатым лицом, жил на мельнице уже давно. Работать, как все, он не мог. «Не хватает ума отличить муку от отрубей», – насмешничал Андруш. Как-то раз, оступившись, он чуть не угодил в дробилку. «Опять повезло! Дуракам счастье!» – усмехался Андруш.

Юро, привычный к насмешкам, спокойно сносил зубоскальство Андруша, безропотно втягивал голову в плечи, если Кито грозил ему кулаком из-за какого-нибудь пустяка. А когда подмастерья его разыгрывали, что случалось довольно часто, только ухмылялся, будто хотел сказать: «Ну что вам от меня надо? И без вас знаю, что дурак!»

Но для домашней работы он годился. Кому-то все равно надо было заниматься хозяйством. Вот все и радовались, что Юро взвалил на себя готовку и выпечку хлеба, мытье полов

и посуды, топку печей и уборку, стирку и глажку да и много всяких других дел по дому и по кухне. Куры, гуси и свиньи также были на его попечении.

Как Юро успевал со всем управляться один, было для Крабата загадкой. Его товарищи принимали это как должное, а Мастер смотрел на Юро как на последнюю скотину. Крабату все это было не по душе.

Однажды, притащив на кухню вязанку дров и получив от Юро – уже не в первый раз – обрезок колбасы, он прямо так и сказал:

– Не понимаю, как ты это терпишь?

– Что терплю? – удивился Юро.

– Как так «что»? Мастер тобой помыкает, парни насмехаются!..

– Тонда не насмехается, – возразил Юро, – да и ты тоже.

– А другие? Был бы я на твоем месте, я б за себя постоял. Уж показал бы и Кито, и Андрушу да и любому!

– Гм-м, – почесал в затылке Юро, – у тебя бы, может, и вышло! А уж если кто дураком уродился...

– Тогда уходи отсюда! Ищи другое место, где тебе будет лучше!

– Уйти? – на мгновение Юро перестал глупо ухмыляться. Лицо его выражало теперь горечь и усталость. – Попробуй-ка, Крабат, уйти отсюда!

– У меня нет причины!

– Да, конечно! Будем надеяться, что и не будет!

Он сунул ему в карман кусок хлеба, подтолкнул к двери, кивнул, не давая поблагодарить. На лице его вновь блуждала всегдашняя глуповатая ухмылка.

Крабат сберег хлеб и колбасу на вечер. После ужина, когда подмастерья расположились в людской и Петар принялся резать ложки, а остальные пустились рассказывать были и небылицы, он поднялся на чердак и, зевая, улегся на нары. Отламывая кусок за куском и радуясь угощению, он невольно думал о Юро и вспоминал их разговор.

Уйти? А зачем? Работа здесь, конечно, не мед... А если б не Тонда, ему бы и вовсе несдобровать. Зато еды вдоволь, ешь – не хочу! Да и крыша над головой. Встав утром, знаешь, где тебе спать ночью! О чем же еще мечтать нищему мальчишке?

ПУТИ-ДОРОГИ ВО СНЕ

Однажды Крабату уже приходилось убегать. Было это сразу после смерти родителей, они умерли в прошлом году от оспы. Пастор взял его тогда к себе, чтобы, как он говорил, не дать пропасть мальчику.

Убегать пришлось не из-за пастора и его жены, всегда мечтавших о сыне, а из-за себя самого. Ему, привыкшему к вольготной жизни в убогой лачужке, стало невмоготу в доме пастора: не ругайся, не дерись, разгуливай весь день в белой рубашке да еще и в ботинках, мой шею и руки, причесывайся гребнем, следи за ногтями. А главное – говори по-немецки, всегда только по-немецки!

Крабат старался изо всех сил, старался неделю, месяц. А потом сбежал и стал бродить по дорогам вместе с другими нищими мальчишками. Может, он и здесь, на мельнице в Козельбрухе, не так уж долго продержится. Но уходить можно только летом, решил он уже в полусне, дожевывая последний кусок. Пока не зацветут луга, не заколосятся поля, не заплещется рыба в пруду, меня отсюда не выманишь.

Лето. Цветут луга, колосятся поля, плещется рыба в пруду.

Крабат, вместо того, чтобы таскать мешки, прилег в холодке на траву и уснул в тени мельницы. Тут-то его и накрыл Мастер, огрел суковатой дубинкой,

– Я тебе покажу бездельничать среди бела дня!

Такое Крабат, конечно, сносить не станет! Может, еще зимой стерпел бы, когда ледяной ветер пронизывает до костей... Мастер, видно, забыл, что уже лето!

Ни минуты не останется он на мельнице! Крадучись, вошел в дом, взял на чердаке куртку, шапку, шагнул за порог. Никто его и не видит. Мастер убрался в свою комнату, окна ее занавешены из-за жары. Парни – кто на мельнице, кто в амбаре. Даже у Лышко нет времени подсматривать. И все же Крабат чувствует: кто-то за ним наблюдает.

Оглянувшись, видит на крыше сарая лохматого черного кота да еще и одноглазого. Откуда он взялся? Крабат поднимает с земли камень. Кот удирает. Теперь через кусты быстрее к пруду! И тут он замечает почти у самого берега жирного карпа, глядящего на него из воды. Он тоже одноглазый.

Крабату не по себе. Опять он находит камень... Карп уходит в зеленую глубину.

Крабат бредет вдоль пруда к Козельбруху. Минует Пустошь. Задерживается на мгновение у могилы. Ему чудится: это могила Тонды. Да, снежным зимним днем здесь похоронили его друга. И вдруг сердце замирает – хрипло каркает ворон. Он сидит на верхушке сосны, словно застыл, взгляд его устремлен на Крабата. И у этого тоже всего один глаз.

Теперь Крабат все понял. Он бросается бежать. Бежит мимо пруда, вдоль берега речки, только пятки сверкают.

Едва останавливается передохнуть, замечает ползущего в вереске ужа. Тот с шипением поднимает голову, глядит на него единственным глазом.

Одноглазая лиса выглядывает из зарослей.

Крабат бежит, лишь изредка переводя дыхание. Бежит, остановится на миг, опять бежит. К вечеру выбирается из Козельбруха. Вот и просвет между деревьями, теперь до деревни рукой подать. Здесь Мастер его уже не настигнет. Он подходит к реке, зачерпывает воды, освежает лоб, виски. Заправляет выбившуюся рубашку, подтягивает пояс. Делает несколько шагов и... вздрагивает. Не на поле он вышел, на поляну. На поляне в свете луны высится мельница. Мастер стоит у ворот. Усмехается:

– А-а, Крабат! А я уж собирался тебя искать!

Крабат поражен. Как же это так получилось? Он решает бежать снова. На этот раз на рассвете, по утренней росе. Бежит в обратную сторону. Теперь уже мимо леса, по полям и лугам, через хутора и деревеньки. Перепрыгивает ручьи, пробирается по болоту. Без остановки, без отдыха, не обращая внимания на воронов, ужей, лисиц. Ни на кого не глядя – ни на котов, ни ял кур, ни на рыб, ни на селезней! Пусть хоть двуглазые, хоть одноглазые, теперь его не запутаешь!

Но в конце долгого дня он опять стоит на поляне перед мельницей. Тут уж его встречают все подмастерья: Лышко – язвительными насмешками, другие – молча и, видно, с сочувствием. Крабат в отчаянии. Но он не сдается. Надо попытаться в третий раз, этой же ночью.

Выбраться с мельницы оказалось не трудно. А дальше – прямо на Полярную звезду! Он бредет в темноте, спотыкаясь о корни, продираясь сквозь кустарник. Ушибы, царапины – ерунда. Главное, никто его не видит, никто не собьет с пути ни колдовством, ни обманом...

Рядом вскрикнул сыч, прошуршала крыльями сова. При слабом свете звезд он различает вдруг нахохлившегося филина. Тот сидит на ветке совсем рядом и смотрит на Крабата одним-единственным глазом.

Крабат бежит дальше, спотыкается, падает в канаву с водой. Очутившись на рассвете перед мельницей, уже не удивляется.

В доме еще совсем тихо, только Юро возится на кухне, растапливает печь. Крабат останавливается на пороге.

– Ты прав, Юро, отсюда не убежишь!

Юро дает ему попить. Помогает снять мокрую, черную от грязи рубашку.

– Да ты умойся!

Зачерпнув ковшом воды, сливает Крабату на руки и говорит серьезно, без обычной ухмылки:

– Что не удалось одному, может, еще получится, если взяться вдвоем. Давай попробуем вместе!

Крабат проснулся от шума: подмастерья взбираются по лестнице, расходятся по постелям. Во рту у него все еще вкус колбасы, значит, спал он совсем недолго, хотя во сне прошло два дня и две ночи.

Утром он на несколько минут остался наедине с Юро.

– Я видел тебя во сне, Юро. Ты дал мне один совет.

– Я? Да ну? – удивился Юро. – Наверно, какая-нибудь глупость. Плюнь ты на это, Крабат!

НЕЗНАКОМЕЦ С ПЕТУШИНЫМ ПЕРОМ

На мельнице в Козельбрухе было семь жерновых поставов. Шесть работали постоянно, седьмой же – никогда. Поэтому его называли «мертвый жернов».

Поначалу Крабат думал, что у него сломана втулка или еще что-нибудь, но, подметая как-то утром пол, увидал под ним немного муки. Приглядевшись получше, он заметил остатки муки и в ларе. Будто выгребали ее впопыхах. Может, мертвый жернов работал ночью? И кто-то молол потихоньку, когда все спали? А может, не все спят так крепко, как он?

Ну да! Ведь парни явились сегодня утром к завтраку бледные, с темными кругами под глазами. Сидели вялые, украдкой позевывали. Теперь это отчетливо всплыло в памяти. Так вот оно что!..

В середине февраля ударил крепкий мороз. Каждое утро приходилось скалывать лед со шлюзов. По ночам, когда мельничное колесо стояло, он намерзал на лопастях толстой коркой. Надо было и ее вырубать. Но опаснее всего лед, выраставший на лотке. Чтобы не остановилось колесо, приходилось то и дело по двое спускаться в желоб и разбивать там лед; работа не из приятных, но Тонда следил, чтобы никто не отлынивал.

Когда же очередь дошла до Крабата, спустился вниз сам. «Для мальчонки, – сказал он, – это слишком опасно, может что и случиться». Парни с ним согласились. Только Кито, по обыкновению, нахмурился. А Лышко усмехнулся:

– Случиться может с каждым, кто не остережется!

Но тут как раз появился глупый Юро с ведрами. Он нес похлебку свиньям. Проходя мимо Лышко, нечаянно споткнулся и облил его помоями. Лышко разразился руганью, а Юро завопил:

– Ой, ой, ой! Не сердись, Лышко! Я сам себя готов высечь! Как же от тебя теперь нести будет! И все я! Ой, ой, ой, бедные мои свинки! Остались без похлебки!

Крабату теперь часто приходилось ездить с Тондой и другими подмастерьями в лес.

Сытый, тепло одетый, в меховой шапке, низко надвинутой на лоб, он не унывал даже в лютый мороз. Хорошо катить в санях по зимнему лесу!

Они валили деревья, очищали от веток, распиливали, складывали в штабеля, оставляя зазоры между стволами, чтобы получше просушить, а уж будущей зимой перевезти на мельницу, обтесать и пустить на балки, брусья, доски.

Так проходила неделя за неделей. В жизни Крабата ничего не менялось. Кое-что, правда, его удивляло. Странно, например, что к ним не приезжают крестьяне с зерном. Может, окрестные жители их избегают? Но ведь жернова мелют день за днем, в амбар засыпают ячмень, овес, пшеницу. А может, мука, текущая днем в мешки, ночью опять превращается в зерно? Вполне возможно...

В начале марта погода резко изменилась. Дул западный ветер, нагоняя серые тучи.

– Пойдет снег, чуют мои кости, – бурчал Кито.

И правда, пошел снег. Но вскоре мохнатые мокрые снежинки превратились в капли дождя и отчаянно забарабанили по крыше.

– Знаешь, – обратился Андруш к Кито, – заведи-ка себе лучше квакушку. На твои кости нельзя положиться.

Ну и погодка! Дождь лил все сильнее и сильнее, сменялся градом, потом снегопадом. Снег снова таял... От потоков воды и таяния льда вздулся мельничный пруд. Пришлось под дождем бежать к шлюзам, закрывать, подпирать бревнами.

Выдержит ли плотина такой напор?

Если это продлится еще три дня, думал Крабат, мы потонем тут вместе с мельницей.

Но к вечеру шестого дня все стихло. В лучах заходящего солнца, глянувшего в разрывы туч, на мгновение вспыхнул черный мокрый лес.

Ночью Крабат увидел сон, будто на мельнице взметнулся пожар.

/

Парни вскочили с нар, с грохотом несутся вниз по лестнице. А Крабат все лежит и лежит, не в силах сдвинуться с места. Вот уже пламя охватило балки, слышен треск, искры падают ему на лицо. Он вскрикнул...

/

Крабат трет глаза, зевает, оглядывается. Где парни? Одеяла откинуты, простыни скомканы. На полу – куртка, в углу – шапка, шарф, пояс... Он ясно видит все это в свете красного пламени, врывающегося в слуховое окно...

Может, и вправду горит мельница?

Крабат бросается к окну, распахивает его, высовывается. Он видит тяжело нагруженную повозку, стоящую во дворе мельницы. Брезентовый верх ее почернел от дождя. В повозку впряжена шестерка коней. На козлах человек с высоко поднятым воротником, шляпа надвинута на лоб. Весь в черном, только петушиное перо на шляпе светится красным светом. Словно пламя, развевается оно на ветру, то взметнется, то почти затухает. Свет его озаряет мельницу.

Подмастерья снуют между повозкой и домом, сгружают мешки, тащат их к мельнице, возвращаются за новыми. И все это молча, в лихорадочной спешке. Ни окрика, ни ругани, лишь прерывистое дыхание грузчиков да время от времени возница щелкнет кнутом над их головами. И тут будто порыв ветра подхватывает ребят, они начинают носиться с двойным усердием. Старается и сам Мастер. В обычное время он и пальцем не шевельнет на мельнице, а теперь надрывается вместе с подмастерьями.

И вдруг он исчез во тьме. Нет, не передохнуть пошел, как подумал было Крабат, бросился к пруду, отвалил подпорки, открыл шлюзы.

Вода хлынула в лоток, со скрипом тронулось колесо, резво завертелось. Сейчас должны вступить жернова. Но заработал лишь один постав. Грохот его незнаком Крабату, он исходит из дальнего угла мельницы.

Грохот усиливается, к нему добавился шум и треск дробилки. Все слилось в глухое завывание.

Крабату вспомнился мертвый жернов. По спине побежали мурашки.

Между тем работа во дворе продолжалась. Вот уже повозка разгружена. Наступил перерыв, но ненадолго. Сутолока возобновилась. Теперь мешки тащили к повозке. То, что в них было раньше, возвращалось перемолотым.

Крабат попытался пересчитать мешки, но его одолел сон. Однако с первым криком петуха он проснулся, теперь уже от стука колес. Незнакомец в повозке, нахлестывая коней, правил к лесу. И странное дело, тяжело груженная повозка летела по лугам, не оставляя следа на мокрой траве.

Закрыли шлюзы, остановилось колесо. Крабат шмыгнул в постель, натянул на голову одеяло. Подмастерья, шатаясь, взбирались по лестнице. Усталые, измученные, они молча разбрелись по постелям. Только Кито пробурчал что-то про чертову живодерню и новолунье – будь оно трижды проклято!

Утром Крабат с трудом поднялся с нар. Голова гудела, во всем теле слабость. За завтраком он украдкой поглядывал на ребят. Они казались заспанными и утомленными, угрюмо молчали, давясь кашей. Даже Андруш был не расположен к шуткам, уныло ковырял ложкой в тарелке. После еды Тонда подозвал Крабата:

– Ты нынче скверно провел ночь?

– Да как сказать... Я ведь не надрывался, как вы, только смотрел. Почему вы меня не разбудили, когда приехал этот... с пером? Всё вы от меня скрываете. А ведь я не слепой, не глухой... Да и не пришибленный!..

– Никто так и не думает, – прервал его Тонда.

– А зачем же тогда вы играете со мной в жмурки? И как вам только не надоест!

– Всему свое время! – тихо сказал Тонда. – Скоро узнаешь все и про Мастера и про мельницу. День этот наступит раньше, чем ты думаешь. А пока потерпи!

КШ-Ш, НА ШЕСТ!

Последняя пятница перед пасхой. Ранний вечер, но над Козельбрухом уже висит бледная пухлая луна. Подмастерья собрались в людской, а усталый Крабат поднялся наверх, решил пораньше лечь спать. Даже и сегодня пришлось им работать. Хорошо, что наконец-то наступил вечер и можно отдохнуть!

Вдруг он слышит свое имя, как тогда, во сне, в кузне на сеновале. Только теперь этот плывущий по воздуху голос ему хорошо знаком.

Крабат приподнимается, садится, прислушивается.

– Крабат!

Крабат начинает одеваться.

И тут слышит свое имя в третий раз. Он торопится, бредет на ощупь к двери, открывает. Внизу, в сенях, свет, голоса, стук деревянных башмаков. Его охватывает беспокойство. Он медлит, затаив дыхание. Потом берет себя в руки и быстро сбегает вниз по лестнице, прыгая через ступеньки.

Подмастерья столпились в конце коридора. Тут все одиннадцать. Дверь Черной комнаты открыта настежь. Мастер сидит за столом, как тогда, в первый раз. Перед ним толстая книга в кожаном переплете. Как и тогда, на столе череп, на нем горящая красная свеча.

Только теперь Мастер не бледен... Да и что вспоминать об этом, сколько времени прошло!..

– Ближе, Крабат!

Крабат стоит у порога. Он больше не чувствует ни усталости, ни головной боли, не слышит ударов своего сердца.

Мастер на мгновение останавливает на нем взгляд, потом поднимает левую руку и, обратившись к подмастерьям, произносит:

– Кш-ш, на шест!

Шурша крыльями, пронзительно каркая, над головой Крабата проносятся одиннадцать воронов. Оглянувшись, он не видит больше подмастерьев. А вороны уже разместились на жерди в углу Черной комнаты, смотрят на него... Мастер поднимается, тень его падает на Крабата.

– Вот уже три месяца, как ты на мельнице, – говорит он. – Ты выдержал испытание, Крабат, и теперь ты не просто ученик. Теперь ты мой ученик!

Он подходит к Крабату, левой рукой касается его левого плеча.

Крабат, содрогнувшись, чувствует, как начинает сморщиваться, сжиматься. Тело его уменьшается, на нем появляются перья, вытягивается клюв, растут когти. Он застыл на пороге у ног Мастера, не осмеливаясь поднять взгляд.

Мельник осматривает его, потом хлопает в ладоши:

– Кш-ш, на шест!

Крабат, ворон Крабат, расправляет крылья, готовясь взлететь. Взмах! Еще взмах!.. И вот он летит. Влетает в комнату, пролетает над столом, касаясь крылом книги и черепа, и, опустившись рядом с одиннадцатью воронами, крепко вцепляется в жердь.

Мастер тем временем поучает:

– Знай, Крабат, ты принят в школу чернокнижия. Здесь не учат читать, писать и считать. Здесь обучают искусству искусств. Видишь книгу, скрепленную цепью? Это Корактор – Черная книга. Видишь, у нее черные страницы и белые буквы. В ней все заклинания, какие есть на свете. Один только я могу ее читать, потому что я – Мастер. Вам же – тебе и другим ученикам – читать ее запрещено. Если ослушаешься, я все равно узнаю. И не пытайся. А не то плохо тебе придется. Ты меня понял, Крабат?

– Понял! – каркает ворон Крабат, удивленный, что может говорить, хоть и хриплым голосом, но все же внятно и без труда.

До Крабата и раньше доходили слухи о школах чернокнижия. Больше всего их было, по рассказам, в Нижних Лужицах. Но он считал все это небылицами, какие встарь рассказывали при лучине за прялкой. И вот нежданно-негаданно сам угодил в такую школу на мельнице. Похоже, об этой мельнице идет молва по всей округе. И все обходят ее стороной.

Однако долго раздумывать ему не пришлось. Мастер вновь уселся за стол и принялся читать вслух Коррактор. Медленно, нараспев, раскачиваясь взад и вперед.

– "Это искусство высушить колодец так, чтобы уже на другой день в нем не было ни капли воды. Сперва запасись четырьмя высушенными на печи березовыми кольями. Каждый в три с половиной пяди длиной, в большой палец толщиной. Расщепи один конец на три части и заостри каждую. В полночь огороди колодец кольями. Отсчитай во все стороны света по семь шагов от середины колодца и всади каждый кол в землю. Проделай все это молча, трижды обойди колодец и произнеси, что здесь написано..."

Дальше следовало заклинание – набор непонятных слов. Они звучали красиво и складно, но как-то жутко, словно предвещая беду. Потом Мастер стал повторять все сначала:

– "Это искусство высушить колодец..." Трижды прочитал Мастер текст и заклинание все тем же тоном, нараспев, раскачиваясь взад и вперед, закрыл книгу, помолчал и обратился к воронам;

– Я научил вас, – заговорил он уже своим обычным голосом, – новому приему тайной науки. А ну-ка, посмотрим, как вы запомнили. Начинай! – Он ткнул пальцем в одного из воронов.

– "Это искусство... высушить колодец так... чтобы уже на другой день... в нем не было ни капли воды... "

Мельник указывал пальцем то на того, то на другого, и, хотя он не называл имен, Крабат догадывался, кто это, по тому, как тот отвечал. Тонда говорил спокойно и обдуманно, Кито – с плохо скрытым раздражением, Андруш, как всегда, бойко, Юро повторение давалось с трудом, он то и дело застревал. Скоро Крабат узнал всех.

– "Это искусство высушить колодец... " Каждый повторял заклинание, кто бегло, кто запинаясь. Пятый, девятый, одиннадцатый...

– А теперь ты! – обратился Мастер к Крабату.

Крабат вздрогнул, запнулся:

– "Это искусство... искусство... колодец... " И замолчал. Не мог вспомнить, что дальше. Не мог, да и все. Теперь его Мастер накажет... Но Мастер спокоен.

– В следующий раз, Крабат, обращай внимание на слова, а не на голос. Не забывай, что здесь, в моей школе, никого не принуждают учиться. Запомнишь, что я читаю, – пойдет тебе на пользу, не запомнишь – тебе же хуже. Подумай об этом!

Дверь отворилась. Вороны прошелестели по воздуху. В коридоре они вновь приняли человеческий облик.

Крабат и сам не заметил, как опять превратился в мальчика. Когда же он поднялся вслед за другими по лестнице, ему показалось все это дурным сном.

ЗНАК ТАЙНОГО БРАТСТВА

На следующий день, в канун пасхи, работать не пришлось. После завтрака многие поднялись наверх вздремнуть еще часок.

– И ты, Крабат, тоже иди, – сказал Тонда. – Поспи в запас.

– В запас? Как это?

– Узнаешь. Ложись и спи как можно дольше!

– Ладно, пойду. Извини уж, что все спрашиваю.

На чердаке кто-то завесил оконце тряпкой – в полумраке скорей заснешь.

Крабат улегся на бок, спиной к окошку, уткнул лицо в ладони.

Он спал, пока его не разбудил Юро:

– Вставай, Крабат! Стол накрыт!

– Уже обед?

Юро, смеясь, сорвал тряпку с оконца.

– Ха-ха! Обед! Солнце заходит! Эх ты, соня!

В тот вечер подмастерья обедали и ужинали разом. Еда была особенно вкусная и сытная, словно на праздник.

– Ешь побольше, Крабат! – посоветовал Тонда. – В другой раз поесть придется не скоро!

В сумерках в людскую вошел Мастер. Все встали в круг, он – в середине. Начали считаться, словно для игры в прятки. Только слова «считалки» звучали очень уж странно... Сперва Мастер вел счет слева направо, потом справа налево. Первым вышел Сташко, вторым – Андруш. Они молча покинули круг и удалились.

Мастер начал счет заново. Теперь жребий пал на Мартена и Ханцо. За ними ушли Лышко и Петар. Последними остались Крабат и Тонда.

Медленно и торжественно повторил Мастер неведомые слова, потом движением руки отпустил и их.

Тонда сделал знак Крабату следовать за ним. Молча спустились с крыльца мельницы, молча подошли к сараю.

– Подожди-ка минутку!

Тонда вынес два одеяла, одно протянул Крабату. Пошли вдоль мельничного пруда, в сторону Шварцкольма. Когда дошли до леса, была уже темная ночь. Крабат старался ни на шаг не отставать от Тонды. Окрестности были ему как будто знакомы. Казалось, он здесь уже бывал когда-то. Ну да, зимой... Он шел тогда на мельницу и чувствовал себя таким одиноким... Как давно это было! Неужели прошло всего три месяца? Даже не верится...

– Шварцкольм! – кивнул Тонда.

Меж деревьев мелькнули огни деревеньки. Но Тонда свернул направо. Сухая песчаная тропинка вела через кусты, мимо одиноких деревьев, к полю. Здесь на просторе небо казалось шире и выше от блеска звезд.

– Куда мы идем? – не удержался Крабат.

– Увидишь.

Свернули на полевую тропку, ведущую мимо деревни, вышли на дорогу, уходящую в темневший невдалеке лес.

– Скоро придем, – сказал Тонда.

Взошла луна, осветив все призрачным светом. Наконец вошли в лес. Здесь у поворота дороги, в тени могучих сосен, притаился деревянный крест. Старенький, побитый ветром и непогодой, без надписи и украшений.

– Много лет назад здесь погиб человек, – сказал Тонда. – Говорят, он валил сосну... Но, по правде сказать, никто уже толком не помнит, как это было.

– А зачем мы сюда пришли?

– Так угодно Мастеру. Пасхальную ночь все мы, по двое, должны провести под открытым небом – там, где кто-нибудь умер не своей смертью.

– А что нам здесь делать?

– Разожжем костер, завернемся в одеяла и будем сидеть до рассвета, а потом – увидишь.

Они не давали костру сильно разгораться, боясь, что огонь заметят в деревне. Тонда ломал сухие ветки, собранные на опушке, иногда спрашивал мальчика, не замерз ли тот, велел ему подбросить хворосту в костер. Мало-помалу разговор смолк. Крабат попытался было его возобновить:

– Послушай, Тонда!

– Ну?

– Так всегда в школе чернокнижия – Мастер читает из Корактора, а уж ты не зевай, запоминай?..

– Да.

– Не думал я, что так учатся колдовству!

– Так и учатся.

– А Мастер здорово рассердился, что я невнимательно слушал?

– Да нет, не так уж.

– В другой раз я постараюсь все запомнить. Как ты думаешь, смогу?

– Конечно.

Разговор явно не клеился. Видно, Тонде не хотелось говорить. Прислонившись спиной к кресту, он сидел прямо и неподвижно, устремив взгляд куда-то вдаль, за деревню, в простор освещенного луной поля.

Крабат тихонько окликнул его, но тот не ответил. Мальчику стало как-то не по себе. Краем уха он слыхал, будто некоторые люди знают тайну, как выпорхнуть из себя и блуждать невидимкой, оставив пустую оболочку. А что, если и Тонда выпорхнул из себя? Может, он, сидя здесь, у огня, бродит на самом деле где-то там, далеко, далеко...

Крабат без конца менял положение, опирался то на один, то на другой локоть, следил, чтобы костер горел ровным пламенем, ломал и подкладывал ветки и сучья. Только бы не заснуть!

Так проходил час за часом. Звезды медленно кочевали по бескрайнему небу. Тени деревьев сместились, вытянулись. Похоже, что жизнь начала возвращаться к Тонде. Он глубоко вздохнул, наклонился к Крабату:

– Колокола!.. Слышишь? С четверга колокола молчали, и вот сейчас, в пасхальную ночь, окрестные деревни, поля и луга огласились глухим гулом и рокотом, а потом мелодичным колокольным звоном.

И с первым же ударом колокола к небу вознесся высокий чистый девичий голос. Это была старинная песня. Крабат знал ее и раньше любил подпевать, но сейчас слушал, словно в первый раз в жизни.

К одинокому голосу присоединилось еще несколько – хор допевал строфу. И снова голос. То чередуясь, то сплетаясь, они пели песню за песней.

Крабату все это было знакомо. Он знал – под пасху с полуночи до рассвета девушки ходят с песнями по деревне. Они идут по три, по четыре в ряд, впереди – певунья с самым красивым и чистым голосом. Она выводит мелодию.

Колокола вдали заливаются звоном, девушки поют. А Крабат? Крабат замер у костра, боится шелохнуться. Он заворожен песней.

Тонда подбросил веток в костер.

– Я любил одну девушку. Ее звали Воршула... Вот уже полгода как она в могиле... Я не принес ей счастья. Помни: никто из нас, с мельницы, не приносит девушкам счастья. Не знаю, почему это так, и пугать тебя не хочу, но если кого полюбишь, не подавай виду. Постарайся, чтобы Мастер не заметил и не пронюхал Лышко. Тот ему все доносит.

– Значит, это они...

– Не знаю. Но она была бы жива, если б я утаил ее имя. Я узнал об этом слишком поздно... А ты, Крабат, теперь это знаешь и, если полюбишь девушку, не упоминай ее имени на мельнице. Ни за что не открывай его. Никому! Слышишь? Ни наяву, ни во сне!

– Не беспокойся, мне нет дела до девчонок! И не думаю, что когда-нибудь будет!

С рассветом колокола и пение смолкли. Тонда отколол ножом от креста две щепки, сунул их в затухающий костер и держал, пока они не обуглились.

– Видал когда-нибудь такой вот знак? Смотри!

Не отрывая руки, он нарисовал на песке замысловатый магический знак.

– А теперь ты. Ну-ка, попробуй!

– Ты чертил так, потом так и вот так. С третьего раза Крабату это удалось.

– Хорошо! А теперь встань на колени перед костром, протяни руку над огнем и нарисуй этот знак у меня на лбу. Возьми вот эту обугленную лучину и повторяй за мной!

Они рисовали знак друг у друга на лбу, и при этом Крабат повторял за Тондой:

– Я мечу тебя углем от деревянного креста!

– Я мечу тебя, брат, Знаком Тайного Братства!

Они поцеловались; потом засыпали костер песком, разбросали оставшийся хворост и отправились домой.

Тонда вел Крабата той же дорогой – полем, вокруг деревни, к лесу, окутанному утренним туманом. Вдруг вдалеке возникли смутные очертания процессии, она приближалась – навстречу молча шли друг за другом девушки в темных платках с глиняными кувшинами в руках.

– Спрячемся! – прошептал Тонда. – Они несут пасхальную воду. Как бы не испугать их!

Они шагнули в тень изгороди и притаились. Девушки прошли мимо.

Крабат знал этот обычай: пасхальную воду надо набрать из источника до восхода солнца и молча нести домой. Умывшись ею, будешь красивой и счастливой весь год. И еще: если несешь воду в деревню не оглядываясь – встретишь суженого. Девушки в это верят. Кто знает, может, это и правда так, а может, и сказки.

НЕ ЗАБЫВАЙ. ЧТО Я – МАСТЕР!

У входа на мельницу Мастер прибил к дверной раме воловье ярмо. Подмастерья должны были проходить под ним, согнувшись, по одному, со словами: «Я покоряюсь силе Тайного Братства!»

В сенях их встречал Мастер. Каждому давал пощечину по левой щеке, приговаривая: «Не забывай, что ты – ученик!» Потом по правой: «Не забывай, что я – Мастер!»

Подмастерья с поклоном смиренно отвечали: «Буду повиноваться тебе, Мастер, и ныне и впредь!»

Тонду с Крабатом Мастер встретил так же, как и всех остальных. Крабат и не догадывался, что отныне будет принадлежать Мастеру и душой и телом.

В сенях они с Тондой присоединились к другим подмастерьям. У всех на лбу был тот же магический знак. Не пришли еще лишь Петар и Лышко.

Да вот и они. Как только и те прошли под ярмом, получили свою порцию пощечин и произнесли клятву, с шумом и грохотом заработала мельница.

– Быстрей! – заорал Мастер. – За работу!

Парни скинули куртки, на бегу закатили рукава, подхватили мешки, стали засыпать зерно, молоть. И все это с молниеносной быстротой под окрики Мастера.

«Вот так пасхальное воскресенье! – с досадой думал Крабат. – Бессонная ночь да еще надрывайся за троих! А во рту – ни маковой росинки!»

Даже Тонда быстро выбился из сил, пот градом катился по его лицу. Впрочем, попотеть пришлось всем. Мокрые рубашки прилипали к телу.

Когда же это кончится?

Куда ни посмотришь – хмурые лица. Все вертится, кружится, мелькает, клубится пар. Магический знак на лбу у подмастерьев постепенно смывается.

Крабат с мешком зерна, выбиваясь из сил, карабкается вверх по ступенькам. Еще немного, и он рухнет под тяжестью ноши. Но вдруг... усталость покидает его. Ноги больше не заплетаются, поясница не ноет, дышится легко.

– Тонда, гляди-ка!

Прыжок – и он наверху. Сбрасывает со спины мешок, подхватывает его и под ликующий крик парней подкидывает вверх, будто в нем не зерно, а пух.

С остальными, как видно, происходит то же самое. Они улыбаются, похлопывают друг друга по плечу. Даже вечный брюзга Кито и тот развеселился. Крабат хочет спуститься за новым мешком.

– Стой! – командует Тонда. – На сегодня хватит!

Скрип, замирающий стук – колесо останавливается.

– А теперь праздновать, братья! – ликует Сташко.

На столе угощение. Юро приносит жареных цыплят с золотистой корочкой.

– Ешьте, братья, ешьте!

Они едят, пьют, подшучивают друг над другом. А потом Андруш громко и весело запевает. Парни становятся в круг, берутся за руки, выбивают ногами такт:

Наш мельник сидит у ворот.
Клабустер, клабастер,
Клабум!
Работник из дома идет.
Клабустер, клабастер,
Клабум!

Припев «Клабустер, клабастер, клабум!» подхватывает хор. Теперь выводит мелодию Ханцо, поет следующий куплет:

Он – весел, красою цветет,
Клабустер, клабастер,
Клабум!
А мельник и зол и угрюм!
Клабустер, клабастер,
Клабум!

Круг движется то влево, то вправо, то сходясь к середине, то расходясь. Запевают по кругу один за другим.

Видя, что настал и его черед, вступает Крабат. Прикрыв глаза, допевает песню:

Он смел и подмогу найдет!
Клабустер, клабастер,
Клабум!
Он с мельником счеты сведет!
Клабустер, клабастер,
Клабум!

Кончив танцевать, опять садятся за стол. Самый молчаливый, Кубо, хлопнув Крабата по плечу, хвалит:

– А у тебя красивый голос!

– У меня? – удивляется Крабат., Только теперь он заметил, что опять может петь. Правда, глуховатым голосом, но уверенно и громко.

В понедельник, хотя праздники еще не кончились, работа идет как всегда. Только Крабат почти не чувствует больше усталости. Что ни потребует Мастер – выполняет без труда. Все ладится, все кипит в руках. Прошло то время, когда он валился с ног и едва добирался вечером до постели.

Крабат радуется. Трудно представить, как он выдерживал раньше. Что же ему помогло? Есть у него одна догадка. Как только они с Тондой остаются наедине, он решает спросить его об этом.

– Ты прав, – отвечает Тонда, – пока у нас на лбу этот знак, мы можем работать без устали с утра до вечера. Целый год!

– А в другое время? Например, с вечера до утра?

– Нет! Тогда уж придется надрываться. Но хочу тебя успокоить, Крабат. Во-первых, не так уж часто нас поднимают по ночам. А во-вторых, это можно выдержать.

Про пасхальную ночь и про горе Тонды они больше не говорили. Но Крабат часто вспоминал его рассказ про Воршулу. И тут же ему на ум приходила Певунья, что запевала той ночью. Словно вновь звучал ее нежный голос, плывущий в темноте из Шварцкольма. Это было удивительное, незнакомое чувство. Его хотелось забыть, но никак не удавалось.

Каждую пятницу после ужина подмастерья собирались у порога Черной комнаты и, превратившись в воронов, слетались на жердь.

Крабат с этим быстро свыкся. Все шло своим чередом. Мастер зачитывал отрывок из Корактора, они повторяли – кто сколько запомнил. Мастер особенно не придирался.

Крабат изо всех сил старался не забыть, как изменить погоду, вызвать дождь, град, шаровую молнию, как заслониться от пули, как, выпорхнув из себя, стать невидимкой, а

потом опять вернуться в свою оболочку. Днем за работой, вечером перед сном он повторял заклинания – только бы не забыть. Теперь он был твердо уверен: человек, владеющий искусством искусств, властвует над другими. А ведь здорово иметь власть, хотя бы такую, как Мастер. Так он думал тогда. Вот и старался изо всех сил.

Это случилось вскоре после пасхи.

Мастер с фонарем в руке появился на пороге их чердака.

– За работу! Господин вот-вот прибудет! Быстрее!

Крабат от волнения никак не мог найти башмаки. Так босиком и ринулся за другими во двор.

Ночь была темная, хоть глаз выколи, новый месяц только народился. Кто-то в сутолоке наступил деревянным башмаком Крабату на ногу, он взвыл от боли:

– Эй, полегче, болван!

Но тут же кто-то зажал ему рот рукой.

– Ни слова! – услышал он шепот Тонды.

Теперь Крабат заметил, что никто еще не нарушил молчания. Какая работа их ожидала? Пожалуй, Крабат догадывался.

Вскоре подкатил Незнакомец с полыхающим петушиным пером. Подмастерья бросились к повозке, отстегнули брезент, начали таскать мешки в дом – к мертвому жернову.

Все было так же, как месяц назад, когда Крабат подсматривал в слуховое оконце. Только Мастер на этот раз не бегал вместе со всеми. Он восседал рядом с господином на козлах и щелкал кнутом, подстегивая парней, а те лишь молча сгибались под тяжестью ноши.

Крабат уже почти забыл, как тяжело таскать полные мешки. Кнут щелкает, подмастерья бегают взад и вперед, от грохота и завывания мертвого жернова дрожит вся мельница.

Так что же все-таки в мешках? Крабат пробует разглядеть, высыпая мешок. Но при тусклом свете фонаря не поймешь – то ли лошадиный навоз, то ли еловые шишки... А может, круглые камешки, покрытые засохшей грязью...

Рассмотреть как следует нет времени – пыхтя надвигается Лышко с мешком, локтем отпихивает Крабата.

Михал и Мертен наготове: подставляют пустые мешки, чтобы собрать смолотое. Другие оттаскивают полные мешки к повозке. Все как в прошлый раз. С первым криком петуха повозка уже вновь нагружена, брезентовый верх пристегнут. Гость хватает кнут и... оп-ля! – повозка летит!.. Мастер едва успевает соскочить с козел. Парни уходят в дом.

– Пошли! – зовет Тонда Крабата.

Они идут к пруду, чтобы перекрыть шлюзы. Слышно, как замирает стук мельничного колеса. Наступает тишина, ее нарушает лишь крик петуха да кудахтанье кур.

– Он часто здесь появляется? – Крабат кивает в сторону удаляющейся повозки. Вот она уже скрылась в тумане.

– Только в новолунье.

– Ты знаешь его?

– Нет! Один лишь Мастер его знает. Он называет его Господином. Он его боится.

Они медленно бредут по росистому лугу к мельнице.

– Одного я не понимаю. Когда он приезжал в тот раз, Мастер работал с вами. А сегодня?

– Тогда ему пришлось работать, чтобы была дюжина работников. А теперь нас снова двенадцать. И он может пощелкивать кнутом.

КАК ПОДМАСТЕРЬЯ С МЕЛЬНИЦЫ БЫКА ПРОДАВАЛИ

Время от времени Мастер посылал подмастерьев по двое, по трое в окрестные деревни, чтобы они там испробовали свое колдовское умение.

Как-то утром Тонда подошел к Крабату.

– Сегодня мы с Андрушем идем в Витихенау на рынок. Если хочешь, пойдем с нами. Мастер согласен.

– Что ж! Это получше, чем работа на мельнице!

Шли лесом. Был солнечный июльский день. Где-то в вышине трещали сойки, трудился дятел. Пчелы и шмели с деловитым жужжанием обрабатывали малиновые кусты.

Лица у всех праздничные, светлые. Андруш, тот всегда весел, как птица, но уж чтоб Тонда радостно насвистывал – это редкость! И конечно, не одна погода тому причиной.

Тонда все время весело пощелкивает кнутом.

– У тебя такой вид, будто ты уже ведешь его домой! – рассмеялся Крабат.

– Кого?

– Да быка! Мы ведь в Витихенау быка купим?

– Наоборот!

– Му-му-у, – раздалось вдруг за спиной Крабата.

Обернувшись, он увидел вместо Андруша тучного, гладкого рыжего быка. Бык глядел на него вполне дружелюбно. Крабат протер глаза. Тонда вдруг тоже исчез, на его месте стоял старый крестьянин-сорб в лаптях, в холщовых портах и рубахе. Подпоясан веревкой, в руках – засаленная шапка, отороченная облезлым мехом.

Кто-то похлопал Крабата по плечу. Крабат обернулся.

А вот и Андруш.

– Где ты был, Андруш? А где же тот бык?

– Му-му-у, – ответил Андруш.

– А Тонда?

Но и тот вдруг принял обычный вид – мужичок исчез.

– Ах, вон оно что!

– То-то и оно! – сказал Тонда. – Уж мы с Андрушем устроим на рынке потеху!

– Ты хочешь его продать?

– Этого хочет Мастер.

– А если его зарежут?

– Не бойся. Продадим Андруша, а веревку, на которой его привели, оставим себе. Тогда он сможет опять обернуться человеком или уж кем захочет.

– А если отдадим с веревкой?

– Только посмейте! – испугался Андруш. – Тогда мне придется остаток дней своих быть быком, жевать солому и сено. Б-р-р! Не забудьте про это!

Много шуму наделал рыжий бык на рынке в Витихенау. Торговцы скотом тут же окружили его. Крестьяне, уже успевшие продать своих свиней и овец, протискивались сквозь толпу. Не каждый день встретишь такого отменного быка! Надо не упустить, а то уведут из-под носа!

– Сколько за вашего красавца?

Торговцы напирали со всех сторон, кричали, надрывались. Мясник Густав Краузе из Хойерсверды давал за Андруша пятнадцать гульденов. Кривой Лойшнер из Кенигсброка – шестнадцать.

Тонда лишь головой покачал:

– Маловато!

– Маловато? С ума, что ль, спятил? За дураков принимаешь?

– Дураки ли, нет ли – господам виднее!

– Ладно, – буркнул Краузе. – Даю восемнадцать!

– Да нет уж, лучше себе оставлю.

Не отдал и за девятнадцать, и за двадцать.

– Ну и оставайся при своем быке! – орал Густав Краузе, а Лойшнер постучал кулаком себе по лбу.

– Я еще не спятил! Разорить меня вздумал? Даю двадцать два – это мое последнее слово!

Казалось, торг зашел в тупик. Но тут сквозь толпу пробрался, отдуваясь, как морж, какой-то толстяк. Лицо его с выпученными глазами блестело от пота. Одет он был в зеленую куртку с серебряными пуговицами. На бархатном красном жилете – массивная золотая цепочка, на поясе – туго набитый кошель. Самый богатый в округе торговец скотом, по прозвищу Бычий Бляшке, собственной персоной!

Он отпихнул Лойшнера и Густава и рявкнул:

– Черт подери! И как у такого тощего мужика вырос такой роскошный бык! Беру за двадцать пять!

Тонда почесал за ухом.

– Маловато, господин.

– Маловато? Ну, знаешь ли!

Бляшке вытащил серебряную табакерку, щелчком открыл крышку, протянул Тонде. Дав понюхать старому сорбу, понюхал сам.

– Апчхи! Значит, правда!

– Будьте здоровы!

Бычий Бляшке оглушительно высморкался в огромный клетчатый платок.

– Двадцать семь, черт бы тебя подрал, и дело с концом!

– Маловато, господин! Бляшке побагровел.

– За кого ты меня принимаешь? Двадцать семь за твою скотину, и не полушкой больше! Не будь я Бычий Бляшке из Каменца!

– Тридцать, господин. Тридцать – и он ваш.

– Грабеж среди бела дня! Ты меня по миру пустишь! – Бляшке вращал глазами, размахивал руками. – Сердца у тебя нет! Что тебе до несчастного торговца! Одумайся, старик! Отдай за двадцать восемь!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.